

яму рыют», слуги «вчера» ходили «ордами» за умершим, а «ныне несть ни единого», а только и послужили, что умершего положили в гроб, да «покрыли» землею и «камнем», чтобы там «черви расточили» умершего. Все стихотворение писано неравносложными стихами, объединенными в 12 строф, по десять стихов в строфе. Стихотворный строй и стиль, содержащий повторяющиеся однообразные обращения к смерти, риторические вопросы, выражающие чувства обреченности человека, тленности его земного существования, страха перед «вечной мукой», сближают данные вирши с «покаянными» стихами или даже с церковными песнопениями-стихирами канонов за умерших, а также отчасти и с духовными стихами. Может быть, не случайно, что среди владельцев рукописи, как видно из приписки, был сын певчего. В языке стихотворения встречаются южно-русизмы и западнорусизмы: «инше», «братства», «великородные паны», «булавы», «маеши». По-видимому, вирши составлены человеком, знакомым с украинской или даже польской переводной виршевой поэзией.

Произведение о пьянстве («О безмерном питии») по своей композиции представляется составленным как бы из двух основных частей.

В первой части (стихи 1—122) в форме изречений, переданных рифмованными двустушиями, подробно и образно излагается пагубное действие «безвременного и безмерного» питья вина на человека, на его тело и душу, на все его благосостояние, на семейные отношения и т. д. Обращает внимание то, что в этой части осуждается не вообще употребление вина, а злое «запойство», т. е. «питие» его без меры: «Не проклято питие пити в меру, но мы, окаянии, не имам тому веру», — говорится здесь, и далее: «Аще вино в меру пити, то с него здраву быти, а не в меру пити, ино ум свой пропити». В этой части стихотворения несомненно отразилось влияние «Повести о высокоумном хмелю и худоумных пьяницах» или «Повести о хмельном питии», и в особенности рифмованного «Слова о пьянстве», основанного, как известно, на «Повести о хмельном питии».

Эта часть заканчивается стихами с прямым обращением к читателям отстать от пьянства: «И мы, братие, поревнуем от пьянства отстати и к небурному пристанищу, к содетелю своему пристати» и т. д.

Вторая часть, начинающаяся со стиха 134, снова перечисляет всевозможные беды от пьянства. Характерным в отношении стиля здесь является повторение в начале каждого стиха одного и того же слова («пьянство»). Нельзя не видеть здесь сходства с духовным стихом «О пьянице». Вместе с тем такое применение стилистической фигуры наводит на мысль о подражании в этом случае особенностям формы, встречающимся в некоторых церковных произведениях (например, в акафистах). Если в первой части более или менее соблюдается стихотворная форма (рифма), то во второй части она то и дело нарушается и в конце переходит в прозаическое произведение типа посланий. Отметим влияние и на содержание этой части стихотворения духовного стиха «О пьянице», связанного с именем Василия Великого.²

Стихи о пьянстве заканчиваются прозаической концовкой, адресованной от духовного лица к иноку. Она также начинается перечислением разных пороков от пьянства, призывает бежать «от пьянства, аки от люта змия», указывает, что «иноческое бо мирское блаженное питие трезвенный квас небующ и живобыстрая вода, не смущая ниже колебая ума». Конец этого обращения содержит обычные слова самоунижения, благословения и просьбу о молитвах за спасение души автора.

² Сравним, например, стихи 98—175 со стихами из духовного стиха, приводимого в книге И. Жданова «Лекции по русской литературе. Духовные стихи» (литографированное издание, СПб., 1893, стр. 191).